

Остальные и не догадывались, что домашнюю мастерскую семьи Е на самом деле обустроил Е Сяои — для Бабушки Е это не было секретом. Он же вел ежедневные расчеты в амбарной книге, а старушке оставалось лишь выдавать работницам плату.

Бабушка Е очень сокрушалась:

— Внучок мой ненаглядный, мы этих разбойников не боимся! Но зачем ты им все выложил? Если они тоже примутся за шпильки, как же мы свои продавать-то будем?

Е Сяои лишь усмехнулся:

— Значит, просто перестанем их делать. Раз уж сам староста приходил выпрашивать, куда мы сбываем товар, стало ясно: тайну не сохранить. Хотят братья за дело — пусть берутся. Только разве в торговле каждый может преуспеть?

В этих словах крылся двойной смысл, который понял один лишь Мо Юэ.

«Мы сами разогрели этот рынок, взвинтив цену на грошовые шпильки до небес — по несколько лянов серебра за штуку. Хотите втиснуться в долю? Что ж, милости просим, только сперва оплатите за вход!»

«А когда цены на шпильки полетят в тартарары, поглядим, сколько вы потеряете».

Чем больше жадность, чем больше забиты склады, тем сокрушительнее будет крах. Неужели они думают, будто деньги даются так легко? Завидуют чужой наживе и сломя голову лезут следом, даже не удосужившись разузнать: те, кто пришел позже, купаются в золоте или исходят кровью?

Увы, суровая правда жизни в том, что доступ к сведениям всегда неравный.

Большинство людей, завидев чужую выгоду, слепо бросаются туда же. А уж прогорят они в итоге или сорвут куш — тут остается уповать лишь на везение.

Местные заправилы, пронюхав о легком заработке, разумеется, не побежали трубить об этом на всю округу. Вместо этого они втайне запрягли волов и покатили в столицу префектуры — выведать обстановку.

Сирота из семьи Е уверял, будто на тамошних уличных лотках за одну шпильку дают по шестьдесят-семьдесят взней. Вот они и решили лично проверить, правду ли болтает малец.

Оказавшись в столице префектуры, деревенские грубияны мигом притихли и растеряли всю свою спесь, робея перед величием города.

Мимо роскошных лавок, куда заглядывали лишь знатные господа да их жены, эти проходимцы не смели даже пройти. Им и в голову не могло прийти, что скромное семейство Е продает свои шпильки именно через эти элитные заведения!

Деревенщины были свято уверены, будто Мо Юэ — обычный разносчик, зазывающий зевак у обочины дороги.

Расспросив торговцев на рынке, они убедились: шпильки действительно шли по шестьдесят-семьдесят монет, а за некоторые особо искусные просили и вовсе больше сотни.

Стяжатели мгновенно почуяли запах легкой наживы и поспешили восвояси, горя желанием развернуть собственное дело.

Простолюдины, никогда прежде не ведавшие законов рынка, и представить не могли, какими разрушительными бывают скачки цен. Для них стоимость вещей казалась чем-то незыблемым, устоявшимся на десятилетия вперед.

Новоявленные дельцы с ходу вознамерились размахнуться по-крупному. Откуда им, круглым невеждам в торговле, было знать, в какую бездну долгов загоняет избыток нераспроданного товара?

Вернувшись через несколько дней на скрипучих телегах в родную деревню, они принялись спешно созывать людей для изготовления шпилек.

Главари местных шаек привлекли к работе всю свою многочисленную родню, пообещав плату на два вэня больше, чем давала Бабушка Е.

И это сработало: многие деревенские женщины тут же переметнулись к новым нанимателям.

В этих краях на два медных гроша можно было купить несколько цзиней овощей, а самая простая кисть для письма стоила три вэня. Разумеется, такая прибавка манила крестьянок.

Из-за повального ухода мастериц в доме Бабушки Е стало непривычно тихо — за работой осталось всего несколько верных женщин.

Бабушка Е в сердцах била себя в грудь и без умолку бранилась:

— Ироды окаянные! Глаза бы мои их не видели! Не успели мы и полгода в достатке пожить, как эти аспиды от зависти иссохли!

Не желая уступать наглým грабителям, бабушка бросилась за советом к Е Сяои:

— Внучок, давай и мы накинём пару вэней! Иначе они у нас всех работниц уведут!

Е Сяои отложил книгу и мягко произнес:

— Бабушка, нам пора сворачивать дело. Раз уж этих вышивальщиц так удачно пристроили, мне даже не придется выплачивать им выходное пособие. Рассчитай тех, кто остался, выдай небольшую награду за верность и отпусти с миром — пусть идут к конкурентам. Шпильками мы больше не занимаемся. Запасов на складе предостаточно, а как только Мо Юэ распродаст остатки, мы займемся чем-нибудь другим.

Бабушке Е все равно было горько и обидно: как можно без боя отдавать такое прибыльное дело? Да и поднять новое ремесло с нуля — задача не из легких.

Однако с тех пор как бразды правления перешли к Е Сяои, она привыкла во всем полагаться на его решения. Раз уж внук, который и раскрутил всю эту торговлю, сказал закрывать мастерскую, ей оставалось лишь подчиниться.

Перед соседями, впрочем, старушка разыграла целое представление: горько плакала, причитала и во всеуслышание проклинала бессовестных живоготов, которые покусились на кусок хлеба бедных сирот.

Когда последняя мастерица покинула их двор, Е Сяои с улыбкой обернулся к бабушке:

— Ну вот и все, спектакль окончен. В глазах людей мы ушли не по своей воле — нас «выжили» силой. Скоро эти стяжатели прогорят дотла. Мы же выйдем сухими из воды, и никто не сможет нас упрекнуть. В конце концов, мы ведь никого за руку в омут не тянули, верно?

Глядя на его хитрый прищур, старушка, хоть и не до конца понимала суть хитроумных замыслов внука, смекнула главное: наглým захватчикам легких денег не видать.

И пусть мастерская закрылась, достаток не покинул дом Е. Е Сяомэй по-прежнему наряжали словно маленькую принцессу, что вызывало у односельчан жгучую зависть.

К тому же у них оставался верный работник Мо Юэ, да и собственной лошастью они обзавелись, а ведь для простого крестьянина добрый скакун — богатство невиданное!

Воодушевленные успехом соседей, новые хозяева мастерских из кожи вон лезли, стараясь ни в чем не уступать семейству Е. Они скупали сырье огромными партиями, надеясь поскорее сколотить капитал и тоже приобрести коней — ведь платить за наемные повозки для дальних поездок в город было слишком накладно.

При себестоимости в пятьдесят два вэня за штуку шпильки уходили на ярмарках Янчжоу по шестьдесят-семьдесят монет. Чистая выгода с одной шпильки составляла от десяти до

двадцати вэней.

Возить малые партии не имело смысла — выручка едва покрывала дорожные расходы на аренду воловьей телеги. Поэтому торговцы ждали, пока на складах скопится хотя бы пара сотен шпилек, и лишь тогда отправлялись в префектуру.

Мечты их были сладки: если с каждой штуки иметь хотя бы по десять монет, то с сотни выйдет целая тысяча — целый лян серебра! За вычетом платы вознице оставался чистый доход. Каждая поездка сулила безбедную жизнь, и дельцы верили, что через пару-тройку месяцев купят собственных скакунов и заживут не хуже Е Сяои.

Охваченные азартом, они и представить не могли, насколько сильно изменился рынок всего за один лунный месяц.

Лишь Е Сяои, привыкший к жестоким правилам финансовых бирж, помнил: рынок мчится вперед, не дожидаясь отстающих. Время — это деньги, а стремительность реакции решает все. Только тот, кто чувствует малейшие колебания спроса, способен оседлать волну и сорвать куш.

Деревенские же тугодумы упустили драгоценные дни.

Пока они плелись на волах в город и обратно ради пустой разведки, прошло шесть дней. На сбор средств для открытия дела и займы под выплату жалованья ушло еще полторы недели.

А когда шпильки наконец были сделаны и бережно упакованы в огромные тюки числом под тысячу, их медленные телеги притащились в префектуру лишь затем, чтобы застать крах: на уличных развалах за шпильку теперь давали от силы двадцать вэней!

Один из разозленных громил схватил за грудки несчастного уличного зазывалу:

— Ты кого тут дурить вздумал, щенок?! Месяц назад шпильки по шестьдесят-семьдесят монет разлетались!

— Верно говорит! — поддакнул другой. — Были и по сотне за штуку! А ты нам двадцатку суешь? За дураков нас держишь?!

С уличным людом эти негодяи не церемонились.